

Нин Сянлан похлопал по пустым карманам и невольно покосился на Фу Чжэнтяня. Тот ответил вежливо, но с достоинством:

— Я пока просто присматриваюсь. Куплю ли я что-то, зависит от качества вашего товара.

Старик глубоко затянулся из водяной трубки, смакуя мягкий, ароматный дым. Небрежно мазнув взглядом по Фу Чжэнтяню, он буркнул:

— Всё перед вами. Выбирайте сами.

Поняв, что старик не настроен любезничать, Фу Чжэнтянь ничуть не обиделся — в конце концов, он не привык требовать к себе повышенного почтения. Он молча кивнул и повернулся к Нин Сянлану:

— Мой дед обожает возиться с цветами. Погляди, нет ли здесь чего-нибудь подходящего.

Нин Сянлан лишился дара речи.

"Надо же, практичный какой выискался!"

— Если тебе нужна обычная посуда для полива, — резонно заметил он, — лучше закажи её у моего дедушки Лао Ху.

Фу Мянъ тут же закивал, бурно соглашаясь:

— Точно-точно! Я вот заказал дедушке целый столовый сервиз. Такая красота получилась!

Фу Чжэнтянь, вопреки своей обычной скрытности, снизошёл до объяснений:

— Истинный шик не в том, чтобы хранить реликвии под стеклом. По-настоящему твой статус подчеркнёт лишь то, что вещь, над которой дрожат коллекционеры, ты используешь в повседневности как обычную игрушку.

Нин Сянлан украдкой покосился на лавочника. Шпилька Чжэнтяня явно предназначалась ему — тонкий намёк на то, что старик слишком уж набивает себе цену. Но хозяин лавки и бровью не повёл. Он сохранял абсолютное олимпийское спокойствие, даже не удостоив мальчишек взглядом.

Нин Сянлан не стал спорить и принялся изучать полки. Фу Мянъ, которого неизменно бросало в дрожь от ледяной ауры старшего брата, предпочёл держаться поближе к Сяо Ланю и хвостиком побрёл за ним.

Заметив, с каким сосредоточенным видом Сяо Лан разглядывает товар, Фу Мянь потянул его к левому стеллажу:

— Сяо Лан, ты же разбираешься в фарфоре? Пойдём туда, там всё забито посудой!

Эти слова заставили хозяина лавки вскинуть голову. Он пристально посмотрел на Сяо Лана, но тут же снова уткнулся в свою трубку, забивая свежий табак. Впрочем, уши он наострил, приготовившись слушать разговор троицы.

За последние два дня Сяо Лан успел крепко сдружиться с Фу Мянем и вывести у того немало семейных тайн. Разумеется, взамен ему тоже пришлось поделиться кое-какими подробностями о себе. Раз уж секрет был раскрыт, влиять не имело смысла, и Нин Сянлан направился напрямик к стеллажу с керамикой.

На потемневших от времени полках из красного дерева в полном беспорядке, словно в дешёвой лавке, теснились вазы, пиалы и кувшины. На первый взгляд — ничего примечательного, но стоило присмотреться, как в глаза бросался толстый слой вековой пыли. Если среди этого хлама действительно прятались сокровища, то подобное небрежение было чистой воды кощунством.

Сяо Лан, питавший к фарфору почти благоговейную нежность, не выдержал. Он принялся бережно выравнивать покосившиеся сосуды, осторожно смахивая с них грязь. Движения его рук были настолько точными и привычными, словно он здоровался со старыми добрыми друзьями.

Лавочник вновь оторвался от своего занятия и в упор уставился на мальчика.

Поставив последнюю пиалу на место, Сяо Лан повернулся к старику и вежливо улыбнулся:

— У вас превосходная коллекция, уважаемый.

В глубине глаз старика вспыхнул живой интерес.

Поначалу он разглядывал исключительно преспокойного Фу Чжэнтяня, распознав в нём неординарную породу, но этот второй мальчуган преподнёс настоящий сюрприз. Как говорят знатоки, мастер виден по первому же жесту. Судя по тому, какими глазами ребёнок смотрел на керамику и как трепетно касался глазури, перед ним стоял настоящий ценитель.

Старик за долгую жизнь навиделся всякого. При должном воспитании и семейной преемственности вундеркинды вроде Фу Чжэнтяня или Нин Сянлана не были такой уж редкостью. Поэтому вместо того чтобы удивляться, он решил устроить небольшую проверку.

Отложив трубку, старик неторопливо подошёл к стеллажу. Он потянулся к верхней полке и

снял изящный сосуд для полива цветов — сине-белый фарфоровый кувшин, украшенный изысканной росписью «Дракон, выходящий из облаков и вод».

— И как тебе? Сможешь определить ценность? — прищурился старик.

Сяо Лан мгновенно оживился.

"Вот оно! То, что нужно Чжэнтяню!"

Поливать герань из такой роскоши — это действительно верх пижонства. Сяо Лан, ведомый многолетней выучкой своего деда Лао Ху, обладал феноменальным чутьём на антиквариат. Даже на расстоянии он сразу понял: перед ним уникальный, баснословно дорогой раритет.

Азарт коллекционера взял верх, и он с придыханием спросил:

— Позвольте взглянуть поближе?

Старик аккуратно опустил сосуд на ровную поверхность стеллажа, безмолвно разрешая прикоснуться. Заслышав их оживлённый разговор, к полкам подошёл и Фу Чжэнтянь.

Сбросив маску безразличия, Сяо Лан бережно взял сосуд в руки. Это была классическая сине-белая подглазурная роспись. На донышке отсутствовало клеймо мастера или императорская печать, что усложняло датировку для профана, но только не для знатока: знаменитый фарфор Юнлэ практически всегда выпускался без каких-либо отметок.

Форма сосуда — широкое горлышко и округлое, приземистое тулово — была характерна для сосудов для полива времён правления династии Мин, а точнее, периодов Юнлэ и Сюаньдэ. Однако главный секрет таился в самом красителе.

Тончайшая вязь кобальтового рисунка поражала изяществом. «Дракон, выходящий из облаков и вод» был выписан с безупречной точностью: клубящийся туман казался почти осязаемым, а чешуя грозного ящера отливала глубоким синим цветом с поразительными переходами тонов. Подобный эффект мягкого расплывания краски, напоминающий китайскую тушь на рисовой бумаге, давал лишь один уникальный пигмент — легендарная мусульманская синь, известная как сумали-цин.

Этот драгоценный кобальт завозили в Поднебесную эскадры адмирала Чжэн Хэ во время его великих плаваний на Запад. После эпохи Сюаньдэ его запасы иссякли, и фарфор с такой росписью стал величайшей редкостью. В будущем даже крошечный осколок посуды с глазурью сумали-цин будет уходить с молотка за тысячи юаней!

Чтобы исключить подделку, Сяо Лан медленно провел подушечками пальцев по выпуклому боку сосуда. Он ощутил едва заметную шероховатость. Оригинальный пигмент сумали-цин

отличался высоким содержанием железа и низким — марганца. Из-за этого при обжиге на поверхности глазури образовывались мельчайшие металлические кристаллики, создавая эффект «ледяных натёков», напоминающих замёрзшие зимние водопады. Густой кобальтовый пигмент местами спекался в крошечные тёмные капли, придававшие рисунку неповторимый объём и благородный стальной отлив.

С неохотой оторвав пальцы от прохладного фарфора, Сяо Лан восхищённо выдохнул:

— Настоящее сокровище...

— И чем же он так хорош? — любопытно расспросил раззадоренный Фу Мян.

Фу Чжэнтань промолчал, но его внимательный, требовательный взгляд тоже приковался к Сяо Лану.

— Это эпоха Мин, — с готовностью пустился в объяснения Сяо Лан. — Причём расцвет периода Юнлэ. Обратите внимание на фон и саму фигуру дракона. Цвета распределены поразительно гармонично: облака и вода кажутся невесомыми, полупрозрачными, в то время как тело дракона сияет сочным, глубоким ультрамарином. Может показаться, что мастер использовал две разные краски, но это не так. Секрет кроется в умелом обращении с кобальтом сумали-цин, который привозили из дальних странствий корабли Чжэн Хэ. В ранний период Юнлэ ремесленники ещё не умели должным образом контролировать капризный импортный пигмент, поэтому роспись выходила грубоватой. Но к середине эпохи мастера полностью подчинили себе эту краску, научившись виртуозно передавать тончайшие переходы полутонов. Этот сосуд — живое свидетельство их триумфа.

На этот раз старик не сумел скрыть изумления.

В народе говорят: дилетант глазует на пёструю обертку, а знаток зрит в самую суть. Фу Чжэнтань уловил от силы три четверти из сказанного, а бедный Фу Мян и вовсе стоял, глупо хлопая ресницами и силясь переварить услышанное. Но для старого торговца речь маленького гостя прозвучала как гром среди ясного неба.

Разумеется, на рынке цветов и птиц хватало начитанных умников. Но Нин Сянлану было всего девять лет! Его ровесники едва осваивали школьные прописи, а этот малец, едва взглянув на покрытую пылью реликвию, без запинки разложил по полочкам и технологию обжига, и точную датировку.

— Глаз у тебя намётанный, малец, — покачал головой старик. — Всё верно. Этот сосуд «Дракон, выходящий из облаков и вод» — подлинник середины эпохи Юнлэ. Он старше вас всех, вместе взятых, на триста-четыреста лет.

Фу Чжэнтань смерил Сяо Лана удивлённым взглядом. Не выбери эту лавку младший брат самолично, он непременно заподозрил бы, что Нин Сянлан — посланный казачок, работающий

в доле со стариком. Но нет, этот малец действительно обладал феноменальными знаниями.

В серых глазах наследника семьи Фу промелькнул азартный огонёк. Повернувшись к лавочнику, он спросил прямо:

— Продаёте?

— А у тебя денег-то хватит? — с лёгким прищуром спросил старик.

— Сосуд в идеальном состоянии, без сколов и трещин, роспись великолепная, — бесстрастно перечислил Фу Чжэнтянь. — Думаю, его реальная стоимость начинается от ста тысяч юаней.

По тем временам сумма была колоссальной. В эпоху, когда статус «владельца десяти тысяч» считался пределом мечтаний простого гражданина, выложить такие деньги за кувшин казалось безумием. Однако оценка была абсолютно точной.

Сяо Лан мысленно усмехнулся.

"Сто тысяч? Смешно. Лет через двадцать за этот экземпляр на любом приличном аукционе оторвут руки вместе с миллионами. Но сейчас, увы, у него самого в карманах гулял ветер, так что оставалось лишь затаить дыхание и наблюдать за Чжэнтянем. Сам шикануть не могу, так хоть посмотрю, как это делают другие!"

Фу Чжэнтянь спиной почувствовал этот горящий, полный нетерпения взгляд. На мгновение ему безумно захотелось потрепать Сяо Лана по макушке, но он вовремя сдержался и молча уставился на хозяина лавки.

Тот, смекнув, что перед ним непростой покупатель, способный выложить круглую сумму не моргнув и глазом, мгновенно взвинтил ставку вдвое:

— Двести тысяч.

— По рукам, — без тени сомнения ответил Чжэнтянь. — Упакуйте его как следует. Мой человек сейчас привезёт деньги.

Старик на секунду лишился дара речи от такой запредельной деловой хватки. Нынешняя молодёжь росла пугающе стремительно. Впрочем, раз сделка состоялась, излишние разговоры были ни к чему. Хозяин молча достал из-под прилавка обитую шёлком коробку и бережно уложил туда драгоценный сосуд.

Наблюдать за тем, как этот спесивый лавочник, минуту назад едва цедивший слова сквозь зубы, то и дело меняется в лице, было сплошным удовольствием. Сяо Лан тихонько показал Фу

Чжэнтяню большой палец: мол, «красавец, умыл старика».

Тот перехватил этот жест и, чуть заметно усмехнувшись, ответил тем же: «Ты тоже не промах».

— Здесь неплохой ассортимент, — ровным тоном произнёс Чжэнтянь, оглядывая стеллажи. — Присмотрись, может, и тебе что-нибудь приглянется? Я оплачу.

Нин Сянлан поперхнулся.

"Искуситель малолетний! Решил проверить мою стойкость?"

Но будучи человеком высоких моральных устоев и железной дисциплины, Сяо Лан лишь гордо качнул головой:

— Спасибо, ничего стоящего больше не вижу.

Чжэнтянь спорить не стал. Вскоре вернулся водитель Ли с увесистым кожаным портфелем. Двадцать пачек новеньких хрустящих купюр переключались в руки ошарашенного лавочника. Расчёт был произведён до копейки.

С трудом веря, что Чжэнтянь действительно выложил целое состояние исключительно благодаря его экспертному мнению, Сяо Лан не удержался от вопроса:

— И ты вот так запросто мне поверил? А если бы я всё это выдумал?

Наследник клана Фу одарил его снисходительным взглядом:

— Твои слова для меня мало что значат. Я верю лишь собственным суждениям.

Нин Сянлан закатил глаза.

"Как же иногда хочется съездить по этой самоуверенной физиономии... Просто взять и дать по башке!"

Получив заветную коробку, братья Фу распрощались и уехали. Сяо Лан вернулся домой под глубоким впечатлением от этой сделки.

Однако уже на следующий день Фу Чжэнтянь наглядно продемонстрировал ему, что такое настоящая, истинная щедрость, граничащая с безумием...

<http://bllate.org/book/20435/2131690>